

Вячеслав Власов

Прозаик, публицист. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета. Поклонник и исследователь творчества Рихарда Вагнера, член Общества Рихарда Вагнера в Великобритании. Член Российского Союза писателей, финалист премии «Писатель года» в основной номинации (2022), в номинации «Дебют» (2020). Автор рассказов о жизни композитора в Риге, Санкт-Петербурге, Венеции и о постановках его опер в Российской империи, передачи «Петербургская элегия Вагнера» на телеканале «Санкт-Петербург». Соавтор ряда культурных проектов, направленных на популяризацию творчества Рихарда Вагнера.

Рандеву с Мадам Мишель

(продолжение, начало в № 2/2023)

Часть III

Расположенная на Театер-штрассе гостиница «Deutsches Haus» считалась лучшей в Кенигсберге. Там любили останавливаться состоятельные путешественники, посещавшие этот старинный прусский городок на Балтийском море. В уютной зоне приема гостей их встречал огромный зеленый попугай. Вот и сейчас, морозным февральским днем, птица громко известила о появлении очередного туриста. Вышедший поприветствовать посетителя управляющий окинул взглядом худощавого господина лет пятидесяти и сразу признал в нем иностранца. Одевание гостя можно было назвать, как минимум, экстравагантным. Огромная шуба, словно с чужого плеча, выступающий из-под воротника яркий шелковый шейный платок и модный бархатный головной берет бордового цвета — все свидетельствовало о принадлежности их владельца к богемной среде, явно не немецкой.

«Бьюсь об заклад, к нам пожаловал какой-нибудь модный парижский художник», — подумал управляющий и тотчас же был сражен наповал чистым саксонским акцентом «француза», попросившего самый комфортабельный номер на одну ночь. Отельер повидал на своем веку достаточ-

но причудливых богачей, но все же удивился требованию гостя немедленно доставить ему бутылку дешевого красного французского вина.

— Не соблаговолит ли господин посетить наш винный ресторан, где он сможет насладиться более изысканными напитками под музыку из популярных опер в исполнении городского оркестра? В наших погребах есть прекрасные майсенские вина, — предложил управляющий.

Путешественник задумался: «Лоэнгринга этот третьесортный оркестр в винном салоне исполнять явно не будет, за что ему огромное спасибо, а слушать пошлые местные водевили как-то не хочется. Кстати, не слишком ли много денег я только что выбросил на ветер? Еще вчера мне было нечем заплатить за простенькую квартиру, а уже сегодня буду ночевать, как боги! Но могу ли я поступить иначе?! Ответственные концерты требуют прекрасного настроения. Чем еще можно создать такое настроение, как не роскошью? Тем более сейчас, когда на руках у меня целых пятьсот рублей серебром — задаток от филармонического общества Петербурга в счет запланированных выступлений. Нужно их немедленно промотать. Поэтому прочь сомнения, сегодня я живу жизнью короля!.. Но на вине можно, наверное, сэкономить без ущерба собственному комфорту...»

Удовлетворившись логичностью своих умозаключений, гость ответил серьезным тоном:

— Благодарю вас, сегодня я хотел бы отдохнуть в полном одиночестве, вернее, в компании французского вина. Только прошу убедиться в том, что оно будет самым дешевым. И, пожалуй, принесите мне не одну бутылку, а сразу две!

— Будет сделано немедленно, господин... — управляющий краем глаза заглянул в паспорт посетителя, чтобы не ошибиться в произношении его фамилии, — господин Вагнер! Как коренной житель здешних мест, я считаю своим долгом сообщить вам о том, что завтра обещают солнечное утро. Это совершенно нетипично для нашего города в феврале. Не изволите ли воспользоваться таким исключительным случаем, чтобы полюбоваться красотами Кенигсберга?

— Красно-отами! — в унисон повторил попугай из клетки в зоне приема гостей.

Лицо постояльца выразило волнение, граничащее с раздражением. Мощный подбородок приподнялся, взгляд забежал из стороны в сторону. Гость принялся резко жестикулировать, чуть не выронив из рук на пол изящную курительную трубку, а его голос перешел практически на крик:

— Позвольте повторить мою просьбу: принесите вино, самое дешевое, две бутылки, и более не тревожьте меня, а лучше разбудите утром за два часа до отправления поезда на Санкт-Петербург!

Управляющему не оставалось ничего иного, как принять оплату за проживание, распорядиться по поводу доставки вина и с заботой в голосе произнести: «Непременно разбудим. Приятного отдыха, господин Вагнер! В нашем погребе для Вас найдется столько французского вина, сколько Вы пожелаете!»

Появившийся с бутылками на подносе портье проводил Рихарда Вагнера в просторный номер с высокими окнами с видом на старинную прусскую улицу и откупорил вино. Гость снял шубу и обратился к служащему со странной просьбой: плотно занавесить шторы, а потом зажечь по всей комнате керосиновые лампы.

Когда портье удалился, Рихард с удовлетворением обвел взглядом место своего ночлега. Его обстановка напоминала венецианский особняк, но совсем не Палаццо Джустиниани, где он несколько лет назад снимал небольшие комнаты, а настоящий, роскошный палаццо, как у итальянских аристократов. Стекло, шелка, парча, арабские ковры, много золота! Вагнер остался доволен: апартаменты оказались вполне достойными его таланта; именно такие и были нужны для безмятежного отдыха перед предстоящей долгой дорогой в Петербург. Вот только внезапная вспышка гнева, которой он озадачил управляющего гостиницей, так и не улеглась.

«Неужели учтивый господин в отеле настолько уязвил мое самолюбие, не распознав известное всей Европе имя? Да нет, наверное. Я, признаюсь, и не ожидал найти поклонников своего творчества в этом забытом Богом месте. Что же тогда вызвало столь бурные эмоции? — Рихард еще раз прокрутил в голове свой короткий разговор с управляющим. — Быть может, виной всему его предложение осмотреть красоты Кенигсберга — города, откуда почти четверть века назад я бежал с глубокой душевной раной? Оно было абсолютно неуместным, но не стал бы я, несмотря на свой вспыльчивый характер, так реагировать на слова постороннего человека, совершенно не знающего моей истории... Причина ярости должна быть в чем-то другом... Ну, конечно! Проклятая зеленая птица в отеле! Она один в один похожа на нашего попугая, что с подачи жены с утра до вечера кричит: "Вагнер — плохой человек"!»

Вспомнив о своем попугае, Вагнер улыбнулся, а его сердце заняло от воспоминаний о начале их с Минной семейной жизни в Кенигсберге. С каким усердием он тогда выбирал для жены свадебное платье, каким счастливым чувствовал себя в день венчания в Трагхаймской церкви, как бережно обустраивал первую семейную обитель! Но совсем скоро Минна перечеркнула всю радость влюбленной юности своим побегом в Саксонию от него, еле сводящего концы с концами начинающего композитора, к богатому любовнику!

Раскинувшись в уютном кресле, Вагнер медленно поцеживал вино, и перед его глазами проносились картинки из молодости. Вот он с еще большим усердием принялся за работу в местном оперном театре, чтобы талантом и каким-никаким заработком вернуть жену. Но театр обанкротился и оставил его без гроша за душой! Настал черед Рихарда бежать из Кенигсберга. Он скороспешно, без сожалений устремился в Российскую империю, в Ригу, в поисках лучшей жизни, которую обещала должность главного капельмейстера в местном немецком театре, — она бы точно устроила Минну.

Тогда он дал себе слово никогда больше не возвращаться в Кенигсберг. И раз уж спустя столько лет судьба заставила его оказаться здесь проездом, то он поступил правильно: заперся в гостиничном номере с плотно занавешенными шторами, чтобы ничто, даже вид из окна, не напоминал именитому маэстро о его тяжелой, нищей и несчастной юности!

Château du Tertre оказалось прекрасным вином из четырех сортов винограда с преобладанием «Каберне Совиньон». По классификации вин Бордо оно принадлежало к пятому, самому низшему классу, но все равно относилось к благородным напиткам. Не о таком думал Вагнер, когда заказывал «дешевое вино»: он мечтал о легком, кислом, молодом напитке, что обычно разливают в питейных заведениях из больших кувшинов. Рихард задался вопросом, не стоит ли пойти поругаться с управляющим прямо сейчас, но перспектива вновь столкнуться с мерзкой зеленой птицей в фойе остановила его. Если уж жить, как король, то и пить, как король, по крайней мере, сегодня, за счет русской филармонии!

Снова наполнив бокал божественным напитком, он погрузился в размышления: «Что ж, подведем предварительный итог: на сегодняшний день в Петербурге мне гарантированы два концерта и доход в тысячу рублей серебром за концерт. Очень неплохо — гонорар намного выше, чем в Вене, Праге или Лейпциге! В молодости в Риге за восемьсот рублей я был вынужден трудиться целый год... Вот если бы получилось дать в России больше двух согласованных концертов, то мечта о небольшом домике в Биберихе приобрела бы реальные очертания. Не хватает лишь ангела, что добьется для меня столь желанных дополнительных ангажементов. Филармоническое общество отказалось. С нетерпением ждущий меня русский друг Александр Серов искренне готов помочь, но в нем совершенно отсутствует коммерческая жилка. Неужели совсем не на кого рассчитывать? Мария Калерджи писала о русской Великой княгине Елене, знатной покровительнице талантов и немке по происхождению. Только все мои попытки добиться у нее аудиенции пока оказались безуспешными. Что бы придумать, как с ней познакомиться?»

Рихард Вагнер удивился, как быстро опустошилось содержимое первой бутылки, и приступил ко второй. Кенигсберг более не казался ему таким уж ужасным городом: он был, словно зал ожидания на транзитном железнодорожном вокзале, всего лишь пересадочным пунктом между станцией отправления с названием «Нужда» и станцией назначения «Благосостояние». Разве это не символично, что, как и двадцать четыре года назад, она — столь желанная конечная станция — вновь находится в Российской империи! Вот только музыка, которую композитор сейчас намеревается представить неведомой русской публике, кардинально отличается от его ранних кенигсбергских творений! Найдет ли она отклик в русской душе? Пусть Серов и говорит, что понять ее в России пока могут лишь единицы, стоит все же попробовать. А вдруг княгиня Елена заинтересуется «Кольцом» и финансово поможет завершить тетралогию? Сладкие надежды на венценосного покровителя погрузили Рихарда в полудрему.

Внезапно в дверь постучали, и Вагнер встревожился: он совсем не ожидал посетителей, и потому решил не открывать. Но стук повторился, а через несколько мгновений дверь отворилась сама. У композитора захватило дух: внешность вошедшего человека напомнила ему Мендельсона; но ведь тот давно умер, а при жизни никогда не носил офицерскую форму! «Жандарм», — промелькнуло в голове у испуганного постояльца.

— Добрый вечер, господин Вагнер! — вежливо обратился к нему человек в форме. — Я представляю русское правительство. Моего имени вам знать незачем, оно все одно вам ничего не скажет. Простите за беспокойство в столь поздний час, но от нашей беседы зависит, сможете ли вы продолжить поездку в Петербург.

Русский офицер разместился на стуле возле письменного стола, заглянул в тетрадку, которую незаметно достал из кармана пиджака, и, глядя прямо в глаза застывшему от страха Вагнеру, спросил:

— Скажите, мсье, каким образом вы покинули Российскую империю в 1839 году, ведь, по решению суда, в Риге ваш паспорт был изъят, и, соответственно, на ваши передвижения были наложены ограничения?.. Что же вы молчите?

Рихард решил, что рано или поздно отвечать все равно придется, и с волнением в голосе промолвил:

— Мой контракт с Немецким театром в Риге закончился, других причин оставаться в Лифляндии не было, и я отправился в Париж в поисках новой работы.

— С такой искренностью, мсье, вам вряд ли удастся завтра пересечь прусско-российскую границу. То, что вас и след простыл, — это нам пре-

красно известно. Мой вопрос был о том, каким именно образом вы тогда уехали. Просто взяли и отправились из России в Париж? Мы оба знаем, что без паспорта это невозможно. Как же обстояло дело на самом деле? — на губах офицера заиграла саркастичная улыбка.

Композитор вышел из себя, от его страха не осталось и следа. Да что этот русский жандарм себе позволяет?! Ему, состоящему на полном казенном обеспечении, неведомо, каково это — прозябать в нужде и хвататься за любую возможность заработать хоть немного презренного металла! И Вагнер ответил резким и напористым тоном:

— Вы действительно хотите это знать? Тогда слушайте. В 1839 году Рижский театр безо всяких причин выбросил меня на улицу, оставил без работы и без средств к существованию. У меня не было возможности не то что расплатиться с кредиторами, но и прокормить свою молодую жену и огромную собаку! Париж заинтересовался моей оперой «Риенци», и жизненная необходимость направила меня туда, где мой талант будет востребован, и где я смогу хоть что-то заработать!

Переведя дух, он продолжил:

— Мы с женой и с нашим псом бежали тайно. Провели в пути целый месяц. Сначала мотались в дешевых кибитках по ухабистым ночным дорогам, ночевали инкогнито в кишачих контрабандистами заведений, вместе с сомнительными личностями, скорее всего, преступниками, переходили русскую границу пешком по рву. Затем в сумерках плыли неизвестно куда на лодке, а после этого прятались в трюме торгового корабля. И при этом чуть не погибли от сильного штормового ветра и от бури. Да-да, мсье офицер, вот каким было наше путешествие из Лифляндии. И пошел я на это с единственной целью: чтобы моя жена не умерла от стыда из-за невыносимого бремени нищеты!

— Это уже гораздо лучше, мсье Вагнер. Возвращались ли вы в Россию после того... назовем это случаем?

— Нет, никогда.

— А что заставило вас приехать к нам сейчас? Только не рассказывайте мне про предстоящие концерты, я о них прекрасно осведомлен.

— Вы не поверите, причина та же — нужда, я снова странствую по миру, чтобы заработать на жизнь и обеспечить жену.

Увидев в глазах жандарма, поочередно рассматривающего роскошно обставленные гостиничные апартаменты и бутылки с французским вином, недоумение и изумление, он добавил:

— Не обращайтесь внимания! Всю эту роскошь оплачивает Петербургское филармоническое общество, чтобы я отдохнул перед утомительной дорогой. Сам я себе такого позволить не могу, ведь в свои почти полвека я до сих пор не имею ни дома, ни постоянного заработка, а раз-

мер моих долгов, увы, превышает количество творческих планов. Вино, кстати, самое дешевое в этом отеле. Не желаете ли бокал?

— Благодарю, мне на службе не положено. Но вот о чем хочу я вас спросить, господин Вагнер: действительно ли вам требуется обеспечить жену? Насколько нам известно, вы с ней уже давно живете порознь и встречаетесь очень редко. Поговаривают, она любит скандалы больше, чем ваше творчество...

Удивившийся Вагнер промолвил:

— Позвольте поинтересоваться, откуда русскому правительству так хорошо известны подробности моей семейной жизни?.. Все именно так, как вы сказали. Брак с Минной уже давно подошел к своему логическому завершению. Наши нечастые, переполненные ссорами встречи причиняют невыносимые страдания обоим. Очень скоро я поставлю на сцене «Валькирию», и весь мир увидит, какова Минна в семейной жизни: беснующаяся богиня Фрика, жена верховного бога Вотана — вот точная копия моей супруги! Но, господин офицер, бедная Минна пережила со мной самые тяжелые годы, я ей многим обязан, а сейчас она слаба здоровьем. Оставьте я ее без финансового обеспечения — это причинило бы ей еще больше боли и страданий. Поэтому, хочется мне того, или нет, но я должен ехать в Петербург и зарабатывать деньги для своей жены!

Во взгляде жандарма читалось восхищение Вагнером:

— Это очень благородно с вашей стороны, мсье. Скажите, кто-нибудь из известных людей может подтвердить ваши слова?

— Ференц Лист. Только благодаря его помощи я до сих пор не дал в газетах объявления: «Мне не на что жить. Кто меня любит, пусть даст, что может».

— Он ведь живет за границей. Может быть, кто-то в Российской империи?

— Я думаю, что Александр Николаевич Серов, музыкальный критик. Он прекрасно знает, в каком бедственном финансовом положении я нахожусь уже много лет.

— Хорошо, поверим вам на слово. Чтобы дать добро на продолжение вашего путешествия в Петербург, мне нужно побеседовать с одним человеком. Позвольте, мсье, я это сделаю прямо здесь? А вы, пожалуйста, сидите тихо и не мешайте нам.

«Михаил! Неужели это ты?» — чуть не воскликнул Рихард, при виде вошедшего в комнату человека, совсем забыв про свое обещание молчать. Никаких сомнений: то был Бакунин. За пятнадцать лет, прошедших после их последней встречи, от импозантного, пышущего свежестью, обаятельного человека не осталось и следа. Перед Вагнером стоял седовласый пожилой полноватый мужчина с растрепанными волосами и

опухшим лицом. Но даже сквозь заплывшие веки Вагнер узнал яркий, молодой блеск глаз своего давнего друга.

Бакунин словно не заметил композитора, проследовал к письменному столу и сел напротив офицера.

— Михаил Александрович, не буду скрывать, что не имею ни малейшей радости встречаться с вами здесь, в Пруссии. Я предпочел бы узнать о том, что вы отбываете заслуженное наказание на каторге в России. А раз уж мы встретились, прошу вас о любезности: мне нужна характеристика на вашего знакомого, Рихарда Вагнера.

— Ваше благородие, я не видел этого человека много лет и совершенно не знаю, что он сейчас собой представляет, — промолвил Бакунин тихим, хриплым голосом.

— А вы расскажите, каким он был, когда вы познакомились. Это ведь произошло во время восстания в Дрездене, не так ли? На ваш взгляд, Вагнер был настоящим революционером?

— Вагнер? Этот фантаст? Не смешите меня! Из него такой же революционер, как из меня — Император Всероссийский! Революционер должен всегда действовать быстро, а Вагнер даже выпивает медленно, тянет маленькими дозами вино из бокала, пока не упьется. Нет чтобы по-революционному: большой стакан водки залпом!

— Эти качества, несомненно, ярко характеризуют композитора, но все же: как его мысли о реформе оперы перекликались с вашими идеями «мирового пожара»?

— Никак не перекликались. Вагнер был непрактичен, витал в облаках, желал единственного — сотворить законы для искусства будущего. А я ему говорил: таких законов создавать никак нельзя, сначала требуется разрушить современную цивилизацию! А до тех пор оперы следует писать в соответствии с поставленными революционными целями. Пусть тенор поет: «обезглавьте его!», сопрано: «повесьте его!», а бас: «сожгите, сожгите его!». Но Рихард меня и слушать не стал, все придумывал поэму о своих Нибелунгах... Так что, ваше благородие, можете смело вычеркивать его из списка революционеров.

«Да как тебе не совестно говорить про меня такое, Михаил? Мы же были друзьями, вместе стояли на баррикадах. А я еще писал молодого Зигфрида по твоему образу!» — прошептал Вагнер.

Тем временем Бакунин и офицер поднялись из-за стола и, не обращая никакого внимания на композитора, вышли из комнаты. Через несколько секунд жандарм вернулся, с извинениями забрал недопитую Вагнером бутылку вина и попросил подождать его.

Задремавшего в кресле Рихарда разбудил тихий стук в дверь. Маэстро вышел в холл, там не было ни души, лишь у двери стояла неот-

крытая бутылка Château du Tertre. Вернувшись в номер, он не на шутку испугался — в комнате отсутствовали какие-либо следы недавнего пребывания там посетителей: отодвинутые русским офицером стулья были придвинуты к письменному столу, а унесенная им бутылка с недопитым вином вновь стояла там, где сам Вагнер ее оставил.

«Неужели это был просто сон? И офицер, и Бакунин — лишь видение? Ух! — выдохнул Рихард Вагнер. — Как же я раньше не подумал о том, что побег из Риги и знакомство с Бакуниным могут причинить мне неприятности в России? Вот Бог и послал мне сон-предупреждение, а заодно — и новую бутылку вина. Откуда она, кстати? Может быть, в этой замечательной гостинице так заведено — держать вино наготове на тот случай, если гость попросит? Возьму ее с собой в поезд. А предупреждение от русского офицера из сна надо хорошенько обдумать: вдруг об этом спросят завтра на границе — как правильно ответить?»

И, улыбнувшись, подумал: «Отвечу, что об этом я расскажу только лично княгине Елене».

Часть V

Поезд из Кенигсберга прибывал со стороны прусского Эйдткунена к российской станции Вержболово. Здесь, на границе, следующие до Санкт-Петербурга пассажиры должны были пройти паспортный и таможенный контроль, пересесть с немецкого скорого на дребезжащий русский поезд и продолжить путешествие.

Служащие таможи спешно заполнили платформу, отталкивая в сторону одинокого путника, терпеливо дожидавшегося открытия дверей у выкрашенного в фирменный синий цвет вагона второго класса столичного поезда, уже поданного на противоположной стороне перрона. То был молодой человек по имени Сергей Сергеевич, студент петербургской Консерватории. Он успел изрядно продрогнуть на холодном ветру и опасался, как бы досмотр прибывших пассажиров не затянулся, а сам он не простудился.

«Хорошо, если простуда окажется легкой, без серьезных осложнений, — думал Сергей, — иначе смертельной угрозы не миновать, и мир лишится подающего надежды дарования, так и не услышав задуманную мною на злобу дня увертюру о польском восстании. И все благодаря почившему императору Николаю Павловичу, повелевшему сделать русскую железнодорожную колею шире прусской, из-за чего и требовалась пересадка пассажиров».

Сергей вполне мог бы скоротать время ожидания в привокзальном буфете, но не хотел этого делать по нескольким причинам. Во-первых,

он там и так уже провел несколько часов, потратив практически все деньги. Во-вторых, предчувствие возможной скорой кончины от тяжелой простуды вдохновляло его на то, чтобы скорее завершить свою увертюру. Была и еще одна, самая важная, причина, не позволявшая ему покинуть продуваемую ветром платформу: здесь он первый раз в жизни выполнял важное государственное задание.

Все началось несколько дней назад, с внезапного визита крестного отца, которого Сергей с детских лет умилительно именовал «дядюшкой Васей». «Дядюшка» был известен всей империи, но под другим именем: князь Василий Андреевич Долгоруков, шеф тайной полиции и бывший военный министр.

Суховатый пожилой генерал, никогда прежде не разделявший страсти крестника к музыке и не интересовавшийся его учебой, неожиданно завел с ним разговор о будущем оперы.

— Я считаю, что выбравшие целью своей жизни композиторскую стезю должны с юношеских лет следить за новыми ростками в зарубежной музыке и культивировать их при необходимости на нашей, отечественной почве, — изрек он дружеским, но слегка поучительным тоном. — Вы, мсье Серж, наверняка слышали о том, что такой жанр искусства, как опера, доживает свои последние дни, и что скоро его место займет музыкальная драма?

Услыхав такие слова из уст главного начальника жандармов, изумленный студент чуть не потерял дара речи. Заикаясь, он только и сумел промолвить:

— Отку... откуда у Вас такие познания, дядюшка Вася? Похоже, в этом предмете вы разбираетесь лучше не только многих студентов нашей Консерватории, но и самого господина Рубинштейна, ее директора! Уж не посещали ли вы тайно публичные лекции Александра Николаевича Серова?

— Моя должность обязывает знать все, — усмехнулся Долгоруков. — А чтобы разбираться, дорогой мой Серж, музыку нужно любить, ею следует жить, а вечерним увеселениям и походам с друзьями по ресторанам тебе лучше бы предпочесть оперный театр и филармонию. Знаешь ли ты, что вот-вот в Вене впервые в истории будет поставлена музыкальная драма «Тристан и Изольда» немецкого композитора Рихарда Вагнера?

— К своему стыду, нет...

— Плохо. А хотел бы послушать, пусть даже небольшие отрывки?

— Конечно, дядюшка!

— Это уже лучше. Для чего еще даны нам крестные родители, если не для того, чтобы исполнять желания своих крестников? Держи, ме-

сье студент, — он достал из кармана продолговатый конверт, — приглашение на два концерта господина Вагнера в Зале Дворянского Собрания. Там он исполнит в твоём присутствии фрагменты из «Тристана и Изольды», которые ещё никто не слышал. А потом — добро пожаловать ко мне, на Большую Морскую, поделишься за ужином своими впечатлениями!

— Дорогой мой дядюшка Вася! Сказать, что вы меня удивили, — значит не сказать ничего. А столь неожиданному подарку я обрадовался так сильно, что не могу подобрать слов для описания всей глубины моей благодарности. Представляю, как позавидуют Пьер и Герман, друзья по Консерватории...

— А вот им про наш разговор сообщать не стоит, — шеф жандармов перебил своего крестника строгим голосом, — поскольку я хочу попросить тебя, Сергей, о помощи, и об этом не должна знать ни одна живая душа.

Долгоруков удивил студента ещё больше, неожиданно предложив ему испробовать себя в качестве филера — ищейки, ведущей тайное наблюдение за людьми.

— Уверен, ты захочешь испытать увлекательные, захватывающие и полные острых ощущений приключения и заодно принести пользу Отечеству и своему крестному отцу. Кстати, мое предложение прекрасно впишется в твою учебную программу, поскольку следить придется за прибывающим в Россию на гастрольи Рихардом Вагнером, отцом музыкальных драм!

Князь прищурился и улыбнулся.

— Теперь я начинаю понимать, дядюшка Вася, почему вы так заинтересовались «Тристаном и Изольдой», — засмеялся Сергей. — Только, помилуйте, — ну, какой из меня шпик? Вы же меня прекрасно знаете: вряд ли я сгожусь для дела более серьезного, чем игра на рояле или дегустация вин. Разве музыку немного могу сочинять, но пока только учусь этому...

— А вот расскажи, что ты сейчас сочиняешь?

— Только обещайте, что не рассердитесь, хорошо?

— Не буду, обещаю.

— Увертюру про польское восстание.

— Ого! Настала моя очередь изумляться, — промолвил Долгоруков. — Меня так давно уже никто не удивлял! Я ведь про это восстание тоже сочиняю, правда, не музыку, а прозу. В своеобразном жанре, конечно же. А скажи, месье композитор, как ты пишешь свою увертюру?

— Читаю газеты, прислушиваюсь к разговорам, пропускаю через себя информацию, улавливаю звуки, какими она резонирует в душе, и записываю их на нотном листе...

— И всего-то? Так ведь я прошу тебя сделать практически то же самое: смотреть, слушать и записывать! Только не нотами, а буквами. Через сердце пропускать не обязательно. Прокатишься за государственный счет во втором классе поезда, будешь рассматривать и описывать путешественников. Независимо от того, хорошим выйдет твое повествование или скверным, получишь за него вознаграждение из казны. А еще я тебе обещаю аванс, который сможешь потратить в железнодорожном буфете. Доедешь до Вержболова — там прекрасный буфет с огромными вкуснейшими бутербродами. Скажи, разве музыкантам предлагают такие условия за их труд? То-то же! Ну что, поможешь мне?

Предложение заинтересовало Сергея своей необычностью и привлекательностью: ничем подобным он никогда не занимался, а карманные деньги студенту действительно не помешали бы. И все же он спросил:

— Скажите, дядюшка Вася, отчего нужно следить за Вагнером, словно он не композитор, а преступник какой-то, и почему для этого задания вы выбрали именно меня?

— Преступник он, или нет, я не знаю. Надеюсь, что нет. Но знаю точно, что много лет назад он вместе с одним преступником участвовал в восстании в Дрездене, — ответил Долгоруков. — И мой долг обязывает меня убедиться в отсутствии каких-либо угроз со стороны господина Вагнера для нашего государства. Это не менее важно, месье Серж, чем поимка реальных преступников. А выбор мой пал на тебя по простой причине: появление обычного филера в вагоне второго класса, куда билеты стоят приличных денег, вызовет подозрения, а на путешествующего молодого дворянина никто и внимания не обратит! К тому же, разве не должен я предоставить именно своему любимому крестнику возможность сопровождать в путешествии по России, пусть и безмолвно, одного из самых известных композиторов нашего времени? Неужели тебе не будет любопытно узнать, как ведет себя в обычной жизни автор «Тристана и Изольды»? Только не особо увлекайся работой разъездного филера и береги силы: кому-то ведь надо писать донесения о концертах в Дворянском Собрании!

Оба собеседника улыбнулись и договорились о следующем: Сергей отправится из Петербурга в Вержболово, дождется там поезда из Кенигсберга, на котором прибудет Вагнер, и, стараясь не обращать на себя внимания композитора, вернется вместе с ним в столицу. Молодой человек должен подмечать все: с кем Вагнер приехал в Россию, с кем общался в пути, как вел себя во время остановок поезда, не отправлял ли писем. Наблюдения следовало записывать в тетрадку. По прибытии в Петербург ее нужно было тотчас же отвезти в III-е отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии!

И вот сейчас, ожидая начала своей «шпионской карьеры» на железнодорожной платформе в Вержболово, полностью потратив весь аванс на буфет, Сергей размышлял, как бы ему превзойти ожидания своего крестного. Еще по пути из Петербурга он вспомнил все давние рассказы Долгорукова о профессии шпика, составил список вопросов, на которые должен ответить прилежный филер, а теперь прокручивал его в памяти.

Первым пунктом в этом списке значилось описание внешности наблюдаемого субъекта. Крестный вручил Сергею фотокарточку с карандашным портретом Рихарда Вагнера двадцатилетней давности, и начинающий филер запомнил все характерные черты лица композитора. «Но ведь внешность с годами могла измениться, — размышлял он. — Вдруг я не распознаю Вагнера и провалю задание?»

Тем временем двери прибывшего из Кенигсберга поезда открылись. Сначала вышли таможенники. За ними буквально выскочил невысокого роста человек в огромной шубе и, придерживая рукой легкий головной берет, побежал к дверям поезда, стоящего на противоположной стороне платформы. Он чуть не сбил Сергея с ног своим большим саквояжем, извинился по-французски, с явным акцентом, и спросил, где вагон второго класса. Молодой филер жестом показал направление, и оба мужчины проследовали в вагон.

«Несомненно, это он. Точно, он. — подумал Сергей. — Лицо за пару десятилетий немного осунулось, волосы поседели, взгляд стал более серьезным, на носу проявилась сильная горбинка, но я сразу же узнал его! Те же бородка и бакенбарды, и абсолютно такой же берет! Модный и дорогой. Он, правда, очень непрактичен для зимы...»

По установленным правилам, филер должен был дать своему наблюдаемому кличку. На основе первого впечатления, из одного слова, но емкую, отличающую ее владельца от всех остальных. «"Берет"! Лучше не придумашь. Пусть будет "Берет", так и напишу в донесении в III-е отделение!» — заключил Сергей.

Места в вагоне второго класса за пассажирами не закреплялись, каждый выбирал свободное место по желанию. Берет отдал свой саквояж на хранение и расположился на одном из мягких диванов, обшитых красным бархатом. Когда остальные пассажиры разместились, оказалось, что вагон заполнен наполовину. Сергей Сергеевич, сначала занявший место у входа, переместился на диван неподалеку от Берета. Оттуда он имел прекрасную возможность наблюдать за ним, не вызывая особых подозрений.

Служащие железной дороги принесли каждому пассажиру под ноги нагретый ящик с углями, зажгли свечи, и поезд тронулся в путь. Дорога

предстояла долгая: целые сутки, с редкими остановками по пути следования, для того, чтобы путники могли купить чай и закуски в привокзальном буфете. Многие пассажиры выглядели измороженными переездом из Кенигсберга и таможенными процедурами, и сразу же принялись укладываться отдыхать на диваны, используя передвижные бархатные подлокотники в качестве подушек. На Сергея никто не обращал внимания, поэтому он достал свою записную книжку и сделал первую запись:

Рихард Вагнер. Кличка «Берет». Приметы: на вид 50 лет, рост чуть меньше 170 см, телосложение худое, глаза серые, лоб высокий, нос с горбинкой, подбородок массивный. Волосы каштановые с небольшой проседью, средней длины, зачесаны назад. Носит бакенбарды и узкую бороду. Одет экстравагантно. Большая шуба, словно с чужого плеча, и меховая муфта. Яркий шелковый шейный платок. Бархатный берет не по погоде. Походка быстрая, резкая. Прибыл в Вержболово один, на платформе ни с кем не общался. В поезде занял отдельный диван, ни с кем не общался. С собой имеет большой саквояж, который сдал в багажное отделение.

Сергей Сергеевич был горд собой: дядюшка Вася, несомненно, оценит аккуратность и лаконичность его первого донесения. Убрав книжку в карман пальто, он украдкой взглянул на Берета. Тот не спал, вглядывался в окно. Лицо его отображало усталость и задумчивость, а на губах время от времени появлялась натянутая улыбка. Интересно, чем сейчас заняты мысли композитора? Каковы его первые впечатления после пересечения российской границы?

Юный филер пожалел о том, что не попросил крестного разрешить ему встретить Вагнера в Эйдткунене, прусском городке на границе с Вержболово. Сергей никогда не был за рубежом, и ему было бы любопытно взглянуть, действительно ли всего через пару верст начинается совершенно другая жизнь. По рассказам Пьера, его друга из Консерватории, путешествовавшего когда-то тем же самым маршрутом, разница с Россией была потрясающая: железная дорога удобная, в поезде нет тряски, прусские поля и деревни чисты и ухожены, еда приличная, вино доброе, а у всех местных жителей веселый нрав. Усмехнувшись, Сергей вспомнил, как в подтверждение своих слов Пьер дал ему почитать нигде еще не опубликованное крамольное стихотворение Николая Некрасова...

«Ну, Российская империя и русская бюрократия, снова здравствуйте, давно мы с вами не виделись! — произнес про себя Рихард Вагнер, вглядываясь в темные дали из окна поезда. — Зря я так переживал. Наверное, всему виной кошмарные видения прошлой ночью. А все прошло,

можно сказать, удачно. Про мой давний побег из Риги никто не вспомнил, да и на паспорт почти не взглянули, но вот таможенники были суровыми, заставили меня понервничать. Ладно бы заинтересовали их табак, или прихваченное из отеля вино, это я бы еще понял. Но ноты! Они собирались обложить пошлинами ноты — настоящий грабеж! А какие хитрецы... Стоило мне начать объясняться, так они по-немецки, видите ли, не понимают. А вот фразу "пошлина составит двадцать один рубль девяносто копеек" они произнесли на чистом саксонском диалекте! Если бы не их трепет перед бумагой с имперским гербом, что прислала Дирекция Филармонического общества, так кошелек мой точно бы отошел! И, слава Богу, что я не взял с собой тексты новых опер: чуяло мое сердце, с них бы точно запросили пошлину!»

Вагнер с облегчением выдохнул и радостно улыбнулся от мысли о сэкономленных двадцати двух рублях. Наконец, стук колес, мелькающие темные деревья за окном и догорающие свечи в вагоне снотворно подействовали на его тяжелую от вчерашнего «дешевого красного» голову, и композитор погрузился в дрему.

Проснулся он, как и все остальные пассажиры, от резкого неприятного звука — поезд тормозил на полной скорости у небольшой станции. Светало. По заснеженной, покрытой туманом платформе передвигались большие серые фигуры. Они издавали громкие звуки, напоминающие строевые команды. Испугавшиеся путники спросонья бросились к окнам, пытаясь рассмотреть, что там происходит. Оказалось, что перрон оцеплен жандармами.

Сергей Сергеевич был единственным, кого не интересовало происходящее на станции. Он внимательно наблюдал за Беретом, за его охваченным страхом лицом. «Отчего же ты так испугался, месье композитор?» — подумал юный филер. Он и не заметил, как в дверях вагона появились два жандарма в серых шинелях. Полицейские следовали по сквозному проходу, останавливались у каждого дивана и пристально вглядывались в лица путешественников. Один из жандармов подошел к Сергею:

— Куда следуете, Ваше благородие?

— В Петербург по особому поручению, — ответил гордый собой филер, предъявив удостоверение, предусмотрительно выписанное ему князем Долгоруковым. — А что, собственно происходит, могу я поинтересоваться?

Проникнувшись почтением к документу, подписанному шефом тайной полиции, и к его обладателю, жандарм промолвил:

— По нашим сведениям, Ваше благородие, после Вержболова в поезд сели люди, участвующие в польском мятеже, возможно, иностранцы. Нам приказано всех досмотреть и задержать подозрительных.

— В этот вагон никто после Вержболова не сядил.

— А этот, в берете? — полицейский указал на уставившегося в окно Вагнера.

— И этот тоже. Он едет из Кенигсберга, — строго сказал Сергей и хитро ухмыльнулся, подражая своему дядюшке Васе.

Служивый быстро смекнул, что субъект в берете находится под надежным присмотром, вежливо поблагодарил Сергея, что-то шепнул на ухо напарнику, и оба жандарма отправились на помощь своим товарищам — досматривать остальные вагоны.

Сергея Сергеевича охватило странное ощущение собственной важности. Прошло всего полтора дня, как он выполняет государственное задание, а вот уже жандармы оказывают ему знаки уважения. Композитору бы такое и не снилось! Не стоит ли задуматься о смене рода занятий, поговорить об этом с крестным? Эти мысли внезапно прервал... Берет. Тот явно видел, как Сергей разговаривал с полицейским, поэтому подошел к нему и спросил по-французски: «Скажите, что здесь происходит? Это ведь полное безобразие — будить рано утром мирно спящих людей!»

Молодой филер вспомнил из рассказов Долгорукова, что человеку его профессии категорически запрещено близко подходить к наблюдаемому, и особенно встречаться с ним взором. Он почтительно поклонился — так, чтобы Берет не запомнил его взгляда, — и вежливо промолвил: «Не переживайте, месье, они просто выполняют свою работу. Ищут человека, организующего смуту в Царстве Польском. Месье не о чем волноваться, спокойного вам пути!»

Возмущенно покачав головой, Берет вернулся на свое место. Сергей же поймал себя на мысли о том, что за считанные секунды успел внимательно рассмотреть его лицо. Было видно, что Вагнер очень волновался. Чтобы не забыть эти впечатления, юный шпик быстро настроил в записной книжке:

При виде жандармов и при упоминании о польском восстании сильно нервничает.

«Как же легко этому молодому дворянину, — тем временем рассуждал про себя Вагнер, разлегшись на удобном диване. — Для него появление полиции — обычное дело, для меня же это настоящее испытание! И что за напасть такая: стоит мне появиться в России, она в это время начинает воевать с Польшей! Как я боялся, впервые приехав в Ригу четверть века назад: думал, полиция сразу отправит меня в Сибирь за мою увертюру "Полония" о русско-польской войне, полную боли, со-

страдания, сочувствия польскому народу и восхищения его героизмом. Тогда мои страхи оказались преувеличены. Что же будет сейчас? Опять война! Несмотря на мое восхищение царем Александром, этого я понять не могу: снова будут жестокость, кровь и смерть. То, что в глазах нас, европейцев, выглядит варварством и средневековьем, здесь является обычным делом. Нет, всей своей душой я на стороне Польши. Надеюсь, что это не повод для ареста? Ведь я только художник, далекий от политики, и упаси меня Бог от всякого с ней соприкосновения!»

Сергей Сергеевич тоже переосмысливал увиденное: «Какой интересный материал неожиданно подвернулся для моей увертюры о польском восстании! Скрежет колес поезда. Марш и переключка жандармов. Вот они уже рыщут, снуют, вокруг все замерло в тревожном напряжении — никто не скроется, не уйдет от возмездия! И... охваченные страхом и ужасом европейцы боятся нашей силы и мощи! Надо непременно поделиться этими идеями с Пьером и Германом. Нет, лучше с дядюшкой Васей — по его протекции такую увертюру закажет любой русский театр... Ладно, Серж, прекращай! Похоже, ты замечтался о скорой композиторской славе, а ведь ты еще и не приступал к написанию увертюры! Возвращайся с небес на землю и выполни до конца поручение крестного!»

Однако несколько часов, до остановки в Гатчине, молодому филеру пришлось скучать. Поведение Берета было обычным для путешественника: он или дремал, или смотрел в окно, а изредка внимательно изучал лица других пассажиров. Когда взгляд его остановится на Сергее, тот улыбнулся и вежливо кивнул головой. В какой-то момент добрая половина путников принялась обсуждать вопросы освобождения крестьян, но Вагнер не проявил к этому разговору никакого интереса.

На небольшой станции, где поезд сделал остановку для посещения буфета, Берет держался особняком. Действительно ли он забрал с собой из буфета стакан, или Сергею показалось? Как только поездка продолжилась, выяснилось, что глаза не обманули филера: достав из небольшой сумки (как же Сергей упустил ее из вида?) бутылку, Берет наполнил этот стакан какой-то темной жидкостью, выпил ее и погрузился в сон. «Эпизод, конечно, любопытный, — подумал Сергей, — но вряд ли заслуживает доклада в тайную полицию».

В Гатчине в вагон зашли двое в высоких меховых шапках, сели недалеко от Сергея и, рассматривая пассажиров, принялись переговариваться по-немецки. Филер немного знал этот язык и смог понять в общих чертах суть их разговора.

— Людвиг, посмотри внимательнее, он немец, должен походить на тебя, — молодой человек со шведским акцентом, внешность которого

Сергей разглядеть не смог, обратился к юноше в очках с длинной бородой.

— Здесь из немцев только я один, Арвид, — отвечал ему второй, приподнявшись с дивана и еще раз осмотрев пассажиров. — Все остальные, похоже, русские дворяне. Немцы ведь вторым классом не путешествуют. Пойдем искать в третий?

— Постой, а этот, в берете? Может, он и есть Вагнер?

— Не может быть. Это какой-то парижский художник, уж слишком он необычно одет!

«Так вот кого вы ищите, — чуть не вскрикнул Сергей, — могли бы и меня спросить!» Он подметил, как, услышав свое имя, Берет начал волноваться и уставился в окно, спрятав от окружающих свой испуганный взгляд. «А он наверняка посчитал их переодетыми шпиками! Да какие же из них полицейские? Им только в оркестре играть! Но зачем они ищут Берета?»

— Давай все равно попробуем француза, а уже потом пойдем в следующий вагон! — подумав, ответил своему спутнику Арвид.

Людвиг и Арвид встали со своих диванов, подошли к Вагнеру и завели с ним разговор. Говорили они настолько тихо, что Сергей не слышал ни слова. Но уже через пару минут все трое обнимались и задушевно беседовали, а Берет предложил им краденый стакан и остатки жидкости в бутылке. До молодого филера доносились лишь обрывки фраз, но он усердно записал их в свою тетрадку:

...императорский театр; оркестр; виолончель; филармония; концерты; маэстро; Тристан и Изольда; Кольцо нибелунга; репетиции; сложная партитура; стараются; афиша; все билеты проданы; встретить в Гатчине раньше других; остальные на перроне в Петербурге; Александр Серов; Антон Рубинштейн; Русское музыкальное общество; Великая княгиня Елена.

Очень скоро поезд прибыл на петербургский Балтийский вокзал. Сергей Сергеевич заметил на платформе большую группу людей, радостно приветствовавших Рихарда Вагнера, которого Людвиг и Арвид выводили из вагона под аплодисменты встречающих.

«Увидимся в Дворянском собрании, Берет! — прошептал он. — Уверен, что в этой радостной толпе тебя сейчас ждет очередной посланец от дядюшки Васи. А мне пора брать дрожки и мчаться со своими записями в тайную полицию».

Продолжение следует...